

МАРТ 1953 ГОДА

Елена Косякина
Киль

После войны в тринадцатиметровую комнату с одним окном, выходящим на крышу бывшего бомбоубежища, и заплесневелыми от постоянной сырости стенами въехала семья Гончуговых. Четыре взрослых человека. Глава семьи, дядя Вася, был классным переплетчиком. Я не могу вспомнить его трезвым. И дело не в том, что он постоянно был навеселе. Выпивал он два раза в месяц, в дни полочки. В трезвом состоянии его не было слышно и видно, да и в подпитии он не буянил и не сквернословил. Но после рюмки водки его нельзя было не заметить. Тогда он становился щедрым и добрым.

В моем представлении все мужчины делятся на два типа: одни после подпития становятся веселыми и щедрыми, как дядя Вася. Таким был в молодости и мой муж. Если, открывая дверь на его звонок, я видела широкою до ушей улыбку и любящие глаза, я понимала, что ему хорошо, и ругать его нужно не сейчас, а завтра утром. Другие в пьяном виде звереют и буянят. Таких большинство. Таким был другой мой сосед – татарин дядя Саша. Но это было позже и не там...

Вернемся к дяде Васе в дни полочки. Ему хотелось тогда сделать приятное домашним. В таких случаях

он покупал арбуз или дыню, кулек вишен или слив, в общем, что-нибудь вкусное, по сезону, и, нагруженный кулками, входил в квартиру. Драматические последствия его появления всегда были одинаковыми. Но сначала о сценической площадке этого действия. Мы жили на первом этаже. Дверь из парадного открывалась в большую пятнадцатиметровую кухню с двумя газовыми плитами (газ провели уже после войны, а до того каждая семья имела свои керосинки и примусы), одним умывальником и четырьмя кухонными столами, по числу семей. Из кухни попадали мы в темный коридор, а уже из коридора три двери вели в жилые комнаты. Около каждой из этих дверей на стенах коридора висели вешалки для верхней одежды, обязательно таз и корыто и необязательно – у кого что было из спортивных принадлежностей: трех- или двухколесные велосипеды, лыжи и т.д. Войдя в темный коридор, надо было включить свет. Шатающийся дядя Вася с кулками или арбузом этого сделать не мог при всем желании. В итоге его возвращение с работы в такие дни всегда было очень шумным. Услышав дикий грохот, соседи выбегали в коридор со словами: "Дядя Вася из типографии пришел!", скорее включали свет и

вынимали смущенно улыбающегося мастера или из таза, или из корыта, или из-под велосипеда. Яблоки и другие мелкие фрукты тщательно собирали и возвращали владельцу. С арбузом же всегда было плохо. При этом в дверях комнаты Гончуговых безмолвно стояла, подбоченясь, жена дяди Васи, небольшая, сухонькая тетя Дуся. Она так же молча пропускала незадачливого мужа с кулками в комнату, брала швабру и, вздыхая, начинала мыть пол в коридоре. "Всего и делов-то, – говорила она, – пять метров вымыть". Для тети Дуси это было пустяком, потому что она работала уборщицей в клубе милиции на Неглинке.

Тетю Дусю все или жалели, или побаивались. Чаще всего жалели, потому что в любое время года, возвращаясь с работы, она поджимала губы и изрекала: "Клуб милиции опять затопило!". Известное дело – Неглинка. Мы понимали, что без уборщицы в таких случаях милиции было бы туговато. Побавались же ее, когда она с важным видом рассказывала, что сам генерал милиции в клуб заходил и благодарил ее за чистоту в залах, ручку ей пожимал. Конечно, клуб милиции на Неглинке – это не Петровка 38, но ведь сам генерал был с ней знаком и благодарил ее!

Об их сыне Коле, шофере, мало что могу вспомнить, разве что наделавшую во дворе большого шума его свадьбу в церкви с "богатой" невестой. В те годы это было необычно – богатая невеста и венчание. Моя мама ходила в церковь поглядеть на жениха и невесту. Несмотря на церковный обряд, семья быстро распалась.

Не была счастливой и дочь Гончуговых Аня. Она тоже неудачно вышла замуж, заболела туберкулезом, родила больного сынишку, развелась.

Прошло почти полвека. Живы Коля с Аней, нет ли? Дяди Васи и тети Дуси, конечно, давно нет в живых...

Именно тетя Дуся в тот памятный день 5 марта 1953 года в шесть часов утра постучала к нам в дверь и сообщила ошеломившую всех весть. Она всегда уходила на работу около шести часов, первой из квартиры. В семь утра вставала моя мама. Стук тети Дуси разбудил нас всех. "Что случилось, тетя Дуся?" – встревоженно спросила мама. Соседка не знала, как и сказать. И ее можно было понять: ведь это был 53-й год, а известие было **о Нем**. "Соня! Я ведь малограмотная, может, поняла чего не так, Соня, ты включи радио-то!". У каждого тогда в комнате висела черная тарелка – репродуктор. Мама подскочила к радио, повернула выключатель...

"Вейзмир! – воскликнула бабушка и заломила руки. – Война!". Прошло ведь уже целых восемь мирных лет, сколько можно! Давила на уши тяжелая музыка, и затем суровый голос диктора сообщил о

тяжелой болезни самого дорогого всем человека – Иосифа Виссарионовича Сталина. "Ну, – сказала тетя Дуся, – вот я все правильно и поняла". Все оцепенели. "Вейзмир! – повторила бабушка и опять заломила руки. – Теперь уж точно будет война. А без Него мы уже не победим, нет!". Все посмотрели на мою тетю Асю как самую образованную и политически грамотную. "Поправится товарищ Сталин, – неуверенно сказала тетя Ася, – ведь у нас такие врачи!". И осеклась. Этого говорить было не надо – шел март 53-го года. "Вейзмир!" – в третий раз сказала бабушка...

Сталин умер! Наверняка, и в те годы были люди, которые с облегчением вздохнули, но я таких не видела. Я помню людей, убитых горем, настоящим, большим. В нашей квартире плакали все. В школе на уроках и переменах стояла небывалая тишина. Учительницы приходили на уроки с заплаканными глазами и трясущимися руками. Я училась тогда в девятом классе, была комсомолкой. Мы решили, что в райком бежать не надо – не до нас. Надо идти проститься с Вождем – вот в чем наш долг. Договорились встретиться у школы в семь часов вечера и идти на Трубную площадь, так как это было рядом, чтобы влиться там в колонну прощающихся. Решил весь класс. Но после большой перемены по классам было объявлено, что все девочки (я училась в женской школе), живущие на Петровских линиях, в районе Трубной площади и Цветного бульвара, должны после четвертого урока собраться у школы и идти домой организованно, в сопровождении учителей, и ни в коем случае не возвращаться домой поодиночке. Мы задумались. Но все-таки пятеро из нас собрались к семи вечера у школы. Одна привела с собой знакомую четвероклассницу. И мы пошли.

У Колобовского переулка мы повстречали возвращающуюся с работы мою маму. Она увидела нас, все поняла и схватила меня за руку. "Лена, девочки, умоляю, сегодня не ходите! Ваши мамы то же самое сказали бы вам, если бы узнали о вашем решении! Прощаться будут несколько дней, пойдете завтра пораньше. Уже поздно. Везде толпы людей. Умоляю!". И мама заплакала. Мы остановились. Я сгорала со стыда, не могла смотреть на подруг. Четверо из нас решили возвратиться домой. А пятая с одиннадцатилетней подружкой гордо пошла на Трубную. Младшая девочка домой не вернулась...

Поздно вечером по квартирам стали ходить члены партии – пропагандисты. Пожилые мужчины не скрывали слез. Они призывали в эти тяжелые дни соблюдать спокойствие, сплотиться вокруг партии. На меня все это произвело тогда огромное впечатление.

Через некоторое время мы узнали о страшных беспорядках в колоннах прощающихся с вождем.

מילה שׁוׁרד

Прибежавшая с работы тетя Дуся говорила, что в домах со Сретенки до Трубной, где людской поток идет с горы, нет уже ни одного целого стекла в окнах. Люди давят друг друга, а выйти из колонны невозможно, конная милиция никого не пропускает. А еще рассказывают, что воры и мошенники пользуются этой ситуацией и прямо с мясом сдирают с женщин кольца и серьги, грабят народ. Утром позвонил мой дядя, военный, и рассказал, что у его генерала погиб вчера единственный семнадцатилетний сын.

Сколько Сталин погубил при жизни и сколько он взял с собой в могилу!

Через тридцать лет вспоминали мы с сотрудницей эти дни марта 53-го года, и она рассказала, что, будучи ученицей шестого класса, ходила с мамой

прощаться со Сталиным, но до Колонного зала они не дошли. Где-то в районе Сретенки ее мама поняла, что надо попытаться выйти из этого страшного потока. Но как? И она рискнула: вместе с дочкой встали они на колени и между ног лошадей сумели-таки выползти из толпы. Как сумели – знал только бог. "А если бы лошади вас затоптали?" – "Могли. Но ведь иначе тоже могли погибнуть, а вот выбрались живыми".

Вот какие тяжелые воспоминания у меня о марте 53-го года. А ведь март мой самый любимый месяц. Мой месяц март! Я родилась 16-го марта, и, сколько помню себя, всегда в этот день в доме был праздник, даже в войну, в эвакуации в Алма-Ате, этот день мы отмечали. Всегда, кроме 16 марта 1953 года. Как можно, в стране было такое горе...

